

Глава 34. Одиннадцать любовных писем

После ужина Сун Цзы зашёл в супермаркет и выбрал ещё десять карточек. Когда он вернулся в класс, Чи Е, Лу Фаньсин и остальных ещё не было. Он как раз раздумывал, что бы такое написать, когда к нему, широко улыбаясь, подошла Ань Юэ и присела на место Лу Фаньсина.

— Школьный красавец, — просияла староста. — Не хочешь блеснуть талантами на Новый год? Есть идеи для выступления?

Сун Цзы безучастно спросил:

— Разве программу уже не утвердили?

— Ой, и не говори! — Ань Юэ тяжело вздохнула. — Этот козёл Ли Цзялэ планировал спеть на празднике, чтобы признаться в любви Ли Ай. Когтями себе место в списке выдрал! А вчера они возьми и поссорись, теперь дело к расставанию идёт. В три часа ночи он мне пишет: «Петь не буду». Ну и как это понимать? Программа подана, а этот деятель в кусты. Приходится срочно искать замену. Вот я к тебе и пришла.

— Я не смогу, — отрезал Сун Цзы.

— Школьный красавец, не спеши с отказом, — Ань Юэ заговорщически подмигнула. — Если уж Ли Цзялэ собрался петь о чувствах, почему бы тебе не последовать его примеру?

— Ни к чему, — бесцветным голосом ответил Сун Цзы. — Он всё равно ничего не поймёт.

— Ну зачем же петь только для одного человека? Мы, по-твоему, недостойны?

Сун Цзы очень хотелось честно ответить «да», но в последний момент он сдержался.

— Вечером дам ответ.

— По рукам! Может, бахнешь что-нибудь вроде «Мышки, что любит рис»?

Когда Ань Юэ ушла, Сун Цзы открыл первую карточку.

«Брат. С Рождеством! Синь-синь».

На второй он вывел:

«Чи Е, ты очень крутой! Синь-синь».

На третьей:

«Я не пришёл раньше Санты, но зато останусь с тобой намного дольше. Синь-синь».

На четвёртой:

«Ты вырос со ста семидесяти одного до ста семидесяти трёх сантиметров. Надеюсь, в следующем году дотянешь до ста восьмидесяти. Синь-синь».

На пятой:

«Весна полна жизни, потому что всё вокруг пробуждается. Моя же юность вечна лишь потому, что в ней появился ты. Сун Цзы».

Шестая карточка:

«НАТс»

« $6\text{HF} + \text{SiO}_2 = \text{H}_2\text{SiF}_6 + 2\text{H}_2\text{O}$ »

«Сун Цзы».

Седьмая:

«Звёздный свет, который мы видим сегодня, принадлежит не нынешней ночи — он летел к нам сотни тысяч лет. И тот «я», которого ты видишь сейчас, — это я три наносекунды назад. Но мы так похожи на вечное лето. Сун Цзы».

Восьмая:

«Будь счастлив каждый день. Синь-синь».

Девятая:

«Желаю тебе всю жизнь быть первым. Сияй и никогда не падай. Синь-синь».

И, наконец, десятая:

«Чи Е, сможешь ли ты оставить меня рядом после семестра? Сун Цзы».

Закончив, он аккуратно сложил карточки в стопку и положил их на стол Чи Е. Стоило ему убрать руку, как в класс ввалилась шумная толпа. Впереди шёл Чи Е. Он почему-то улыбался — открыто и ярко, а в его глазах, казалось, отражалось всё сияние ночного неба.

Сун Цзы отвёл взгляд и, тихо выдохнув, заставил себя вернуться к задачам.

Чи Е с Лу Фаньсином ещё пару минут дурачились у доски, потом убежали в коридор и вернулись лишь через четверть часа, всё так же весело переговариваясь. Чи Е плюхнулся на стул и откинулся на стену.

Заметив стопку карточек, он удивлённо вскинул брови. Взял верхнюю, пробежал глазами химическую формулу и разочарованно глянул на соседа.

— Синь-синь, ну ты можешь хоть раз что-нибудь нормальное придумать?

— Может, сначала дочитаешь до конца? — тихо спросил Сун Цзы.

— Да ну, скукотища, — отмахнулся Чи Е. Эти «послания» окончательно сбили его весёлый настрой, и он, даже не досмотрев, смёл все карточки в ящик стола.

В этот миг взгляд Сун Цзы погас, словно сорвавшаяся с неба звезда. Чи Е не понял функцию сердца из прошлых писем, а теперь спрятал и эти десять карточек. Слово набежавшая туча внезапно перекрыла последний луч света, погружая всё вокруг в беспросветный мрак.

Сун Цзы почувствовал такую невыносимую, жгучую усталость, что он выпустил ручку.

— Я в туалет, — холодно бросил он.

Чи Е выпрямился, освобождая проход.

— На четвёртом ремонт, иди на третий.

— Угу.

Выйдя из класса, Сун Цзы почти бегом спустился на этаж ниже. Он до упора вывернул кран и стал пригоршнями плескать ледяную воду в лицо. Холод обжигал кожу, но ещё больше он ранил его кровоточащее сердце.

Когда лицо окончательно онемело, Сун Цзы остановился. Кое-как стёр капли воды и,

выпрямившись, с ледяным безразличием уставился на своё отражение в зеркале.

В сложившейся ситуации он не мог найти ни единого повода винить Чи Е. Цзян Чжичжоу предупреждал его заранее. Это он сам не захотел вовремя остановиться. Винить стоило лишь собственную слабость перед этим юношеским порывом. Свою одержимость.

— С тобой всё в порядке? — внезапно раздался рядом мягкий девичий голос.

Этот звук вырвал Сун Цзы из вязкого омута горьких мыслей. В зеркале отразилась Линь Суй.

— Вода ледяная, — мягко заметила она. — Так и заболеть недолго. — Девушка достала из кармана пачку бумажных платков и протянула ему. — На, вытрись.

Сун Цзы взглянул на пачку и взял её.

— Спасибо. — Он вытянул один листок, а остальное вернул.

— С Рождеством, — улыбнулась Линь Суй.

— С Рождеством.

Девушка открыла кран, чтобы помыть руки.

— Скоро Новый год. Ты подготовил номер?

Сун Цзы на мгновение заколебался.

— Да.

— Правда? Тогда я обязательно подарю тебе цветы, — Линь Суй выключила воду и поправила выбившиеся пряди у виска.

— Дуань Тин он... — начал было Сун Цзы.

— Дуань Тин не станет доставлять тебе проблем, — она повернулась к нему, и её высокий конский хвост качнулся в воздухе. — Я сама ему всё объясню.

— Я не боюсь его проблем. Я просто хотел сказать... — он помолчал несколько секунд. — Дуань Тин очень тебя любит. Безответная любовь — это горький хлеб, а он ест его уже пять лет. Чувства нельзя навязывать, и я не вправе советовать тебе согласиться, лишь бы подарить ему

красивый финал юности. Но как такой же, как и он... я надеюсь, ты хотя бы подумаешь серьёзно. Мы продолжаем идти вперёд, только пока видим свет. Если не останется ни капли надежды, любая любовь рано или поздно выгорит.

Линь Суй ответила спокойно:

— Дуань Тин очень упрям. Пять лет он добивается результата. Неважно, что я говорю, кого люблю или как сильно демонстрирую своё отвращение — ему плевать. За пять лет это перестало быть любовью. Теперь это просто одержимость целью. — Она сделала паузу. — Ты сказал, что вы «одного сорта». Позволишь спросить: в кого влюблён ты?

Сун Цзы опустил глаза.

— Ни в кого.

— У кого из нас юность не отдавала кислинкой? — Линь Суй понимающе улыбнулась. — Значит, тебе только что было очень больно?

Сун Цзы замер.

— Сегодня Рождество. Ты ведь признался и получил отказ, да?

Он вскинул на неё поражённый взгляд. Линь Суйхватило пары минут, чтобы увидеть его горечь, так почему же Чи Е в упор не слышит намёков и не видит очевидного?

— Но ты ведь был смелым, разве нет? По крайней мере, ты сделал шаг, — она продолжала улыбаться. — Результат по сравнению с процессом — вещь второстепенная.

— То есть ты считаешь, что процесс важнее? — спросил Сун Цзы.

Линь Суй кивнула:

— Как может быть результат без процесса?

— А какой смысл в процессе, если нет результата? — возразил он. — Разве сам процесс не существует ради финала? Разве цель, с которой ты начинаешь что-то делать, — это не итог?

— Вот поэтому тебе так плохо, — мягко резюмировала Линь Суй. — Когда ты гонишься только за результатом, а он не совпадает с твоими ожиданиями, внутри образуется пустота. И эта пропасть причиняет боль. Попробуй не придавать итогу такого значения. Просто делай то, что должен. Процесс может дать тебе гораздо больше смысла, чем любая достигнутая цель.

Сун Цзы снова опустил голову, упираясь руками в край раковины и глядя на своё расплывчатое отражение в воде.

В тот же вечер Сун Цзы сообщил Ань Юэ название песни и начал готовиться. Все последующие дни каждую свободную минуту он проводил в наушниках, заучивая мотив. В последний день декабря он, как обычно, совмещал музыку и учёбу. Когда Чи Е вернулся после ужина, в руках у него был стакан чая с шариками.

— Ты что, через забор лазил? — спросил Сун Цзы.

— Пришлось, — Чи Е самодовольно хмыкнул. — Видишь, как брат к тебе добр? Даже когда бегаю в самоволку за чаем, не забываю про твою порцию.

С этими словами он с треском вогнал трубочку в стакан и сделал жадный глоток.

Сун Цзы не особо любил такие напитки, но никогда не отказывался, если их приносил Чи Е.

— Ну, как песня? Смотри не опозорь наш 18-й класс перед всей школой. — Чи Е бесцеремонно выдернул один наушник из уха Сун Цзы и вставил себе. — Дай заценю, что там за шедевр.

Как назло, в этот момент зазвучала строчка:

«Просто моя любовь к тебе...»

Чи Е удивлённо покосился на него.

«И в три строки не вместится...»

Сун Цзы невольно затаил дыхание. Сердце заколотилось о рёбра, а он с силой сжал пластиковый стакан.

«Но ты не взглянул даже на одну».

— Слушай, а такую песню вообще можно петь в школе? — спросил Чи Е.

Сун Цзы втайне облегчённо выдохнул.

— А что не так?

Чи Е ненадолго задумался.

— Да нет, наверное, всё нормально. Красивая песня.

Сун Цзы уткнулся в свой чай, пряча глаза. Чи Е не стал возвращать наушник и долго слушал песню по кругу.

В полночь должна была произойти смена лет. На четвёртом уроке самоподготовки Лу Фаньсин шепнул Чи Е, что сегодня у него свои планы, и они не пойдут вместе.

Обычно Чи Е встречал Новый год с Цюй Яньцю, но того сейчас не было в городе. У Лу Фаньсина свидание. Чи Е невольно посмотрел на соседа.

— Синь-синь, у тебя на вечер есть планы?

— Дополнительные занятия.

— А, понятно, — Чи Е сразу сник.

Вернувшись домой, Чи Е бесцельно валялся на диване, разглядывая пустой сад за окном. В новогоднюю ночь его мать не приехала, и в огромном доме было невыносимо тоскливо.

Он вдруг задался вопросом: почему он вроде как «золотая молодёжь», но при этом совершенно обделён семейным теплом? Ладно, отца нет, но родную мать он видел так редко, что скоро начнёт забывать её лицо.

Раньше его всегда выручала семья Цюй Яньцю. Даже если Чи Си не возвращалась, у него всегда было место, где шумно и весело. Но Цюй Яньцю уехал, его сестра покинула город... Куда ему податься в этом году?

У тётушки Лю тоже была семья, и она ушла ещё днём. Получается, на всю огромную виллу он остался совсем один. Даже собаки нет.

Чи Е вдруг почувствовал, что его жизнь — какая-то нелепица. Ну и что, что есть деньги? В праздники, когда все собираются вместе, смеются и накрывают столы, он сидит в пустом доме.

Он глянул на телефон: без двадцати одиннадцать. До Нового года чуть больше часа. Можно

было бы, конечно, вызвать парочку курьеров и отпраздновать с ними, но... за напускным весельем всё равно будет зиять пустота.

Посидев в ступоре ещё немного, он решительно встал. Быстро принял душ, переоделся в чистое, накинул куртку прямо поверх школьной формы и вышел из дома. Поймал такси до входа в знакомый переулок.

Обычно тихий и мрачный, сегодня переулок светился огнями. Из окон доносились голоса и смех.

Крепко сжимая телефон, Чи Е после недолгих колебаний бросился в подъезд.

Добравшись до пятого этажа, он почувствовал, что силы на исходе. Ноги стали ватными. Прислонившись к стене, он подождал, пока дыхание выровняется, и осторожно, едва касаясь, постучал в дверь.

В этот самый момент телефон в руке завибрировал. Пришло сообщение от Сун Цзы. Чи Е бросил взгляд на старую обшарпанную дверь и снова уставился в экран.

краш: Чи Е, твоя мама вернулась?

Чи Е не сразу понял, к чему этот вопрос, но ответил честно.

флип: Нет.

Звук вибрации телефона был негромким, но в мертвенно-тихом подъезде он показался Чи Е оглушительным.

краш: Ты один дома?

флип: Угу.

Этот ответ Чи Е писать совсем не хотелось — он звучал слишком жалко. Спустя секунду он поспешно нажал «удалить», но так и не придумал, что написать взамен.

<http://bllate.org/book/17463/1698095>